

ЭСТЕТИКА НЕПОЛНОГЛАСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Л. В. Зубова

Аннотация. В статье представлено экспрессивное и смыслообразующее употребление слов с неполногласием и полногласием в русской поэзии начиная со второй половины XX в. Слова со стилистическим неполногласием маркированы подчеркнутой включенностью в контекст классической литературы и при этом часто деромантизированы. Встречаются и славянизмы, не поддержанные поэтической традицией. Поэты включают неполногласные слова в контексты с аллитерацией и парономазией в этимологические пары и гнезда. Славянизмы часто стилистически контрастируют с экспрессивно-просторечными словами контекста. В дериватах от вполне традиционных для поэзии неполногласных существительных происходит обновление и усиление стилистического значения слов. Встречается и замена неполногласных слов полногласными.

Ключевые слова: Е. Г. Ковалевская, эстетическая функция языка, лексика, неполногласие, современная русская поэзия

THE AESTHETICS OF NON-PLEOPHONY IN CONTEMPORARY POETRY

L. V. Zubova

Abstract. The article explores the expressive and meaning-forming functions of pleophonic and non-pleophonic words in Russian poetry from the second half of the 20th century onward. The analysis reveals that words with stylistic non-pleophony are characterized by their emphasized intertextual connections with classical literature and are often being deromanticized. Additionally, the study identifies Slavicisms which are not supported by the poetic tradition. It is shown that poets employ non-pleophonic Slavic words in contexts featuring alliteration and paronomasia, and in etymological pairs and nests. Slavicisms often create a stylistic contrast with the expressive colloquialism of surrounding text. While non-pleophonic nouns have a long-standing presence in poetry, their derivatives acquire renewed and strengthened stylistic meaning. The study also identifies instances where non-pleophonic words are replaced with pleophonic ones.

Keywords: E. G. Kovalevskaya, aesthetic function of language, lexicon, incomplete vowels, contemporary Russian poetry

В статье представлено экспрессивное и смыслообразующее употребление слов с неполногласием и полногласием в русской поэзии начиная со второй половины XX в., при котором отчетливо проявляется эстетическая функция языка. Эта функция (привлечение внимания к форме высказывания) способствует, во-первых, активизации употребления генетических и стилистических церковнославянismов и, во-вторых, проявлению тенденции к преобразованию стилистических различий в семантические.

Неравнодушное и даже страстное отношение к неполногласию и полногласию в XVIII и XIX вв. проиллюстрируем двумя цитатами.

В XVIII в. В. Н. Татищев возмущался распространением полногласных вариантов слов вместо неполногласных: «Есть же славянского языка многие слова прибавкою или убавкою некоторых букв от простых людей перепорчены, яко вместо **глава***, **мраз**, **глад**,

* Здесь и далее выделение фрагментов цитат автором статьи.

страна, двадесять пишут **голова, мороз, голод, сторона**, двадцать и пр[очее] тому подоб[ное], которое сугубо в лексиконах полагать или в канцелярском употреблении запретить нуждно» (Татищев 1990).

В XIX в. Н. П. Гиляров-Платонов, протестуя против слова *влиять*, настойчиво заменял привычное генетическое неполногласие полногласием: «Влияет, а? Сколько в этом слове оскорблений русскому слуху и смыслу? <...> “Лияет” и не **употребляют**, а **употребляют** только “влияет”; полияет, залияет и проч., <...> Но вливают, кажется, во что, а не на что: оскорбленье **передлогу в**, коий имеет право обижаться, и насилье **передлогу на**, коий не давал к этому поводу. <...> слово влияет взяли от влияния, то есть, совершили словопроизводство вверх ногами, не от **гологола** вывели **отгологольное** существительное, а **гологол** — от существительного, имеющего вид **отгологольного**. Но от этого не легче. Самое влияние вовсе не есть **отгологольное** существительное, оно есть “мокроступ” (т. е. неприродное изобретение. — В. В.)... А изобретение **глагола** “влияет” принадлежит уже букашкам письменности, не мыслящим не только по-русски, но и ни по-каковски. И однако слово полюбилось и его таскают и смакуют» (Гиляров-Платонов 1904).

Обратим внимание на то, что в последнем предложении этого фрагмента Н. П. Гиляров-Платонов ослабил бдительность и все-таки написал *глагола*.

Е. Г. Ковалевская отмечала: «Для создания поэтического слога поэты конца XVIII — начала XIX вв. широко используют неполногласные формы слов наряду с русскими полногласными формами: *блато, вран, град, древо, класы, мраз, власы, враты, глава, глас, златой, младой, хладный и ворон, город, колос, голос* и т. п.» (Ковалевская 2012, 210); «Неполногласные формы слов преобладают в поэзии конца XVIII в., поскольку в этот период славянизмы наряду с древнейшей стилистической функцией (создание высокого слога) начинают выполнять функцию

эстетическую — создание поэтического слога» (Там же, 536).

О функциях неполногласия в поэзии разных исторических периодов писали многие лингвисты (Мельниченко 1944; Граудина 1963; Винокур 1959, 1991; Мансветова 1980; Виноградов 1982; Копорская 1988; Данилова 1999; Кандаурова 1994*; (Киинова 2014)).

Е. Г. Ковалевская выделила такие функции неполногласных и других поэтизмов в лирике XVIII–XIX вв.: а) создание живописных портретов возлюбленной, возлюбленного, друга; б) создание романтических пейзажей; в) средство стилизации для воссоздания языка прошедших эпох, библейского стиля, восточного и т. д.; г) средство создания пародий на кого- или что-либо (Ковалевская 2012, 211–212).

Поэзия последних 40–50 лет не была объектом исследований о неполногласии, а эта поэзия в целом значительно отличается от традиционной, и неполногласные варианты слов в ней тоже употребляются необычно, обнаруживая новые стилистические и семантические свойства и новые функции.

У современных поэтов традиционная стилизация под поэтическую классику XVIII–XIX вв. часто сопровождается концентрированным употреблением нескольких церковнославянских слов в малом контексте и парономазией, например: «*Дхнул Борей во мраке нощи. / В льдяных ризах бледны роющи. / Мраз тепло похитить хощет. / Мечет искры снег*» (Тимур Кибиров. «Глупости») (Кибиров 1994, 101).

Из не вполне традиционных, ранее забытых неполногласных слов с конкретным значением нередко встречается слово *крава* в разных падежах, особенно в родительном множественного числа: «*Пальцы твои переломаны на правой руке, все пять. / Горе тебе,*

* Т. Н. Кандаурова проанализировала употребление маркированных южнославянских слов в поэзии XX в. на материале текстов Б. Ахмадулиной, В. Бокова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Казаковой, Вс. Рождественского, В. Тушновой, В. Федорова.

*Гермес, ты пальцами у Аполлона **крав** крал»* (Виктор Соснора. «О себе») (Соснора 2018, 584); «*Корова встала. Четырех копыт / четырехкратный треск и горла гул, / и поскакала вскачь за Горизонт, / и человечество — доило! — сыр, / сметана, сливки, масло, — польза **крав!**» (Виктор Соснора. «Дождь») (Соснора 2018, 588)..*

Есть вероятность, что форма *крав* получила коннотацию анекдотичности после того, как она появилась в стихотворении графа Хвостова в таком контексте о наводнении в Петербурге: «*Свирапствовал Бондей, / И сколько в этот день погибло лошадей!.. / По стогнам валялось много **крав**, / кои лежали там, ноги кверху вздрав*». Стихотворение было высмеяно современниками, эти строчки Хвостов удалил, но эпизод многократно пересказывали как литературный анекдот (Касьянов 1875, 31–32; Пыляев 1887).

Неполногласие *крава* не сохранилось в русском языке, вероятно, из-за того, что слово оставалось в пределах конкретной лексики, его значение не абстрагировалось и не символизировалось, хотя в Библии это слово употребляется символически: тучные кравы символизируют изобильный урожай, а худые — неурожай и голод (Бытие, 41. 17-26).

В стихах И. Булатовского можно видеть попытку снова отнести это слово к лексике символической: «*Чем тебя обидели? Что у тебя отняли / ангелы, прежде чем сбережать, — / куколку тряпичную в лоскуточке шали, / в дочки заигравшаяся мать? // И куда они ее, где ее приставили / босоногой девкой в барский дом, / чтоб козе небесной ли, чтоб небесной **краве** ли / натирала вымя птичьим молоком?* // *Чтоб доила утром козье ли, коровье — / в звуковое чистое ведро, / что промыто досветла говорливой кровью, / распирающей ребро*» (Игорь Булатовский. «Умных лиц я больше в воздухе не вижу...») (Булатовский 2019, 82).

Из тех неполногласных слов, которые не были поддержаны поэтической традицией, можно отметить еще и слово *млат* в контексте с пародийным пафосом и даже

его диминутив *млаточек*: «*Завтра звездное солнце / закукует в оконце, / встанут в странах со млатом / Труд, Отвага и Младость! / Им ли гримы Гертруды, / Ильмень-грифельны грусти...*» (Виктор Соснора. «Семейный портрет») (Соснора 2018: 730); «*Гвоздь был зажат в зубах, / в руке — **млаточек**. / Я размахнулся... / Будь я точен, / попал бы в шляпку — / нет ее. / В зубах мой гвоздь торчит, / рука занесена над головою / (с **млатком**, естественно)*» (Цезарь Абылбеков. «Вот подошел я к стенке средоточен...») (Абылбеков 1999, 5).

Ощущимость неполногласия нередко представлена аллитерированными текстами с включением омонимов и парономастических подобий неполногласия: «*расскажи про Ч., про град, / т. е. город, т. е. град, / т. е. дождь, который город / градом барабанить рад*» (Виталий Кальпиди. «Расскажи про Ч., про град...»)* (Кальпиди 2015, 36); «*Критикуя сороку, / вороны орали: “Враньё!” / Вороньё затевало / привычные зимние свары*» (Владимир Строчков. «Задолжала зима...») (Строчков 1994, 86).

У разных авторов встречается контекстуальная полисемия с потенциальным переосмысливанием неполногласного слова *мразный* как производного не только от *мраз*, но и от *мразь*: «*И Элиан, пожалуй, справедливо / так объясняет проявление страсти: // “Всю плоскую планету повсеместно / он проскасал, как хорошо известно, / и покорил все населенья, или / они вольнолюбиво отступили / на берег в мерцанье **мразного** тумана / последнего под небом океана...”*» (Алексей Шельвах. «Страсти Александра Македонского») (Шельвах 1992, 56); «*наскучивши, дабы тепло сберечь, / на сесте, прижимаясь, дабы дыба / мороза нас не схряла за спасибо, / и на угробы, грузные, как танк, / не выглядя из разузорных окон, / мы жарим тушику **мразных** треск и окунь / и открываем крышку наших банк*» (Владимир Строчков. «Закупка впрок и заготовка дровен... ») (Строчков 2006, 179).

* «Ч.» — Челябинск.

Поэты часто привлекают внимание читателей к этимологии слова и к его истории, включая неполногласные слова в этимологические пары и гнезда: «и там где справа **мрак** / и там где слева **морок** / всё странный какой-то шорох / в светящихся шарах // и если снизу **прах** / то значит сверху **порох** / взрывается на горах / на белых на горах» (Олег Юрьев. «там где света вtok... ») (Юрьев 2016, 127); «Еще одна **страна. Страница, / где страница. Я попрошу напиться / садовника зеленоглазого / через колючую проволоку / из стаканчика одноразового**» (Александра Петрова. «Милый человек, я не знаю твоего языка...») (Петрова 2000, 15); «Как в точку-леток эта пчелка-тире, / влетает устало, со взятком несладким, / и лапками чуть гомозится в нутре, / счищая полет — жестом **кrottким и кратким**, / “и” **кrottким**, “и” **кrottким**, оставшимся от / всего золотого гудящего breve, / что втерлось в тяжелый обратный полет / и идетами в полом рассыпается Древе» (Игорь Булатовский. «Скругляя углы, округляя плечо... ») (Булатовский 2012, 48).

В этимологических парах заметна градация, преимущественно восходящая — не только с повышением стилистического ранга неполногласного члена, но и с тенденцией к семантической дифференциации коррелятов (глас — ‘сигнал свыше’, хлад — ‘состояние смерти’, брег — ‘граница пространства’): «— Кифара в порядке? Ответил. Сказали: /— Нужно запеть! / — То есть — спросил сквозь очки. /— Голосом. Голосом. Мирное соревнованье систем: / кто проигрывает, с того сдирается шкура» (Виктор Соснора. «Мой милый») (Соснора 2018, 566); «мы бедной земле поможем мы снимем с нее парик // и **холод на хлад** помножен / создаст тепловой парник» (Мария Степанова. «Война зверей и животных») (Степанова 2017, 148); «Мне бы вспомнились озера, Сестры — Ладога, Онега, Те синонимы простора, Где ни берега, ни брега» (Александр Крестинский. «Если б души собирались... ») (Крестинский 1993, 34).

Противопоставление *враги — вороги* у В. Кривулина сопровождается семантизирующими определениями: «*мне вороги домашние* сказали / что *враг иноязыкий* у ворот / что музыка на Павловском вокзале / напалмом сожжена и больше не встает» (Виктор Кривулин. «Музыка в Павловске») (Кривулин 2001, 129).

Примеры нисходящей градации касаются преимущественно лексикализованных оппозиций: «*От храмов до хором, от теремов до тюрем, / От перебитых голеней до Спаса-на-крови, / От черных терм до термояров / Слынут паломниками ельники, кружящие на курьих лапах*» (Михаил Еремин. «От храмов до хором, от теремов до тюрем...») (Еремин 2021, 43); «“Жизнь прекрасна! Смысл есть!” — / **гласит** мое мировоззрение! / Но мое же мироощущение / **голосит** — “Не про вашу честь!” / А кто из них право, а кто виновато — / без Вас не понять, незабвенная Ната» (Тимур Кибиров. «В альбом Н.Н.») (Кибиров 2002, 10); «*была страна стала дальняя сторона / была война помним ли имена / была судьба оказалось мелкое полотно / не скажешь холст или дорога на дно*» (Давид Паташинский. «была страна стала дальняя сторона ... ») (Паташинский 2008, 188).

Встречается и восходящая градация в лексикализованной оппозиции: «*И если ты ушёл, Бог ведает, в какую / хотя бы страну — не то чтобы страну, — / кто вспомнит о тебе, так бережно тоскуя, / как берег — по морскому дну?*» (Виктор Кривулин. «Песочные часы») (Кривулин 1990, 14).

Номинативное употребление членов лексикализованной оппозиции вне градации наблюдается в таком тексте: «“Куда ты? — так **страницу** молвил **сторонник**. — / Досадна долина: там горны горят, / Дурманом дымится деръмо. Осторожно: / Могила. Мёртвым придишь назад”. / “Не думай, — промолвил прислужник — послушнику, — / Что в час, когда застит закатом тропу, / Твой вперенный взор угадает ловушку / И шаткость шажка со скалы на траву!” // Так всаднику: “Что там за птица?” —

садовник: / “Чей призрак прячет скрюченный лес? / С затылка — и долго ль — подкраситься удобно; / А в гнилостных зарослях бродит болезнь”. // “Безлюбые души!” — **стороннику — страннику**, / Ослушник — прислужнику: “Мимо — и дальше!” / “ТЕБЯ они ищут”, — садовнику — всадник: / Когда покидал их, когда покидал их» (Мария Каменкович. «Из Уистана Хью Одена») (Каменкович 2008, 12).

В современной поэзии широко представлено стилистически контрастное употребление книжных слов с неполногласием по отношению к экспрессивно-просторечным словам контекста. Это относится к неполногласным словам, значение которых не абстрагировано и не символизировано: «*Уступив уральским мразам, / мы накрылись медным тазом, / но теплее стало не / в забодренной стране*» (Виталий Кальпиди. «Стансы о чуде») (Кальпиди 2015, 36); «*Тут всех на старость повело строчить донос: / не той красы у ней власы, коленки, нос, / а также зубы, — и пора ей в гроб со сцены*» (Юнна Мориц. «Тут всех на старость повело строчить донос... ») (Мориц 2000, 192); «*Я — случайность яви, от яви лекарь. / Выправлю пропуск в светопекарню фрески / С видами преисподней. Мне там с млеком / Новобранцем за обе щеки блины трескатъ*» (Дмитрий Голынко. «Баллада тюрьмы») (Голынко 2024, 159).

Возможно, на последний из этих контекстов повлияло фразеологизированное требование захватчиков-немцев во время Второй мировой войны *куры-яйки-млеко*. На это указывает словоформа *новобранцем*. И, кроме того, возможно влияние термина *млечный путь*, так как упоминается преисподняя.

Слово *брада* метафоризируется, например, в изображении ветра с дождем: «*Мокрой брадой потрясая, носится ветер по саду. / В крепкой кабине бьется усталый шофер, словно бабочка, бьется и плачет*» (Владимир Кучерявкин. «Кочерга на полу удивительно скачет! До боли!... ») (Кучерявкин 1994, 33). У С. Круглова слово *брада* применительно к козе включено в аллегорию: «*Стынет*

в граненом стакане черный чай, / Перевозчик на стол белы руки уронил, / На руки — буйную голову, / Видит сон-одурень: / Коза, брадой шевеля, Волка жрёт, шерстью давится, / А Капуста — то ли шаром покати, / То ли с плахи летят кочаны-головы...» (Сергей Круглов. «Загадка») (Круглов 2010, 112). Этот пример, в котором описывается *сон-одурень*, отсылает к силлогизму о волке, козе и капусте.

Заметное явление в современной поэзии — активизация коннотаций фразеологического происхождения: «*Нет ничего страшнее — стричь / младые ногти** грудному младенцу. / Что по сравнению с этим дичь / с цепи срывающегося сердца? / Не совратит кормящую мать / бард, сирота, погорелец, скиталец... / Совсем прозрачные — не разобрать: / еще ноготь? Уже палец?» (Вера Павлова. «Нет ничего страшнее — стричь... ») (Павлова 2008, 83); «*Крапчатый дятел пятнистая тварь конопатая иволга / Гриб сатанинский большая поганка румяная / Жаба косая кривая хромая змея многоногая подля / Многоголовая да многоглавая** мерзкая гадина / Ох тяжело нелегко Александр Исаевич / Так-то вот так Александр Исаич, Александр Исаевич*» (Анри Волохонский. «Вальс-жалоба Солженицыну») (Хвостенко, Волохонский 2004, 77).

В дериватах от вполне традиционных для поэзии неполногласных существительных заметно обновление и усиление стилистического значения слов: «— *В пруф! — рявкнуло в два микрофуфа разом / Наши дом дал дым... и явно был “под газом” / наши красовод с развесистым под глазом // Ну-с развлекай нас милый куровод / рцы в микроции брадатый э-энекдот*» (Генрих Сапгир. «ХРСТ и самарянка») (Сапгир 2023, 270); «*(Не)ви(д/н)ен сон власатых птиц, / а утром*

* Если библейское выражение *от младых ногтей* (Мф. 21:19), ставшее фразеологизмом в варианте *с младых ногтей*, широко цитируемое в русской литературе и публицистике, фигулярно, то В. Павлова придает ему буквальный смысл.

** Ср. устойчивые сочетания *многоголовая гидра*, *многоглавый собор*, *Москва многоглавая*.

сна слышны излишки. / А птицы лысые в клетушках, хоть летают, / Но их полет невидим никому» (Ольга Мартынова. «Птица Кагу») (Мартынова 2009, 37); «Не для того ведь мы живем сегодня, / чтоб пригласить друзей на **враний** пир. / Да будет пищей нам елей субботний, / предсмертный завтрак и воскресный мир» (Александр Миронов. «Свидетели моих печальных оргий...») (Миронов 1993, 40); «Всё непостижней горла бормотанье. / Луна печёт всё **хладней**, всё болней. / Смысл — здесь ли, там ли — в им сокрытой тайне, / но он семь раз упомянул о ней» (Белла Ахмадулина. «Я и ночь и Галактион») (Ахмадулина 2012, 418).

Замена неполногласных слов полногласными представлена гораздо меньшим количеством примеров, и касается она заменяемых генетических славянismов: «*Кто — мышь для упыря? Бутыль наливки, / Охват крыла, очарованье глаз? Подруга дней, к которой тайный лаз, // На блюдечке оставленные сливки? / Готовая, как форма для отливки, / Сижу, сложивши лапки, бедный аз.* / На **передплечье** светятся прививки / Предшественных и будущих проказ» (Мария Степанова. «20 сонетов к М.») (Степанова 2001, 38); «*И сердце задохнулось: Енисей, / и умерло. И стон **перекратился***» (Анджей Иконников-Галицкий. «Эдип») (Иконников-Галицкий 1998, 43); «— Возьми меня в свою пещеру **семиголовая** Москва — мне столь мила, ну, блин, воще, ру- / биноподобная гла-

ва...» (Владимир Карпец. «Собеседование Евгения») (Карпец 2001, 18); «*у трамвая девятого номера / разноцветные гаснут глаза / поскольку с Колокольной улицы / он сворачивает за <...> а когда сквозь переднюю дверь его / воздух выдыхается весь / по ступенькам в потухшее **чрево** / всходит снежная взвесь // и чернеет трамвайное красное дерево*» (Олег Юрьев. «Трамвай девятый номер») (Юрьев 2016, 98).

Итак, современная поэзия показывает, что освоение неполногласия русским языком, начавшееся в XI в., никак нельзя считать ни односторонним, ни завершенным. В XX в., при тенденции к сближению поэтической лексики с разговорной, слова с неполногласием, соотносимые со стилистически нейтральными полногласными, оказываются маркированными уже не только принадлежностью к высокому стилю, но и подчеркнутой включенностью в контекст классической литературы.

Деромантизированное неполногласие у современных поэтов, стилистически очень не похожее на романтическое неполногласие у поэтов XVIII и XIX вв., отчетливо согласуется с тезисом Е. Г. Ковалевской о том, что именно трансформация языковых средств определяет художественность текстов: «Поэтическая речь — образно-эстетическая организация и трансформация языковых средств для создания художественных образов — основных категорий художественного текста (Ковалевская 2012, 510).

ИСТОЧНИКИ

- Ағылбеков, Ц. (1999) *Астенический стихоз*. СПб.: [б. и.], 37 с.
- Ахмадулина, Б. А. (2012) *Полное собрание сочинений в одном томе*. М.: Альфа-книга. 856 с.
- Булатовский, И. В. (2012) *Читая темноту*. М.: Новое литературное обозрение, 192 с.
- Булатовский, И. В. (2019) *Северная ходьба: Три книги*. М.: Новое литературное обозрение, 248 с.
- Голынко, Д. (2024) *Стихи XX века*. М.: Пальмира, 214 с.
- Еремин, М. (2021) *Стихотворения*. М.: Новое литературное обозрение, 464 с.
- Иконников-Галицкий, А. (1998) *Фавор*. СПб.: Акрополь, 56 с.
- Кальпиди, В. О. (2015) *Избранное*. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 400 с.
- Карпец, В. И. (2001) *Карпограф*. Красногорск: Бронзовый век, 97 с.
- Кибиров, Т. (1994) *Сантименты*. Восемь книг. Белгород: Риск, 384 с.
- Крестинский, А. А. (1993) *Тихий рокер*. СПб.: [б. и.], 88 с.
- Кривулин, В. Б. (2001) *Стихи юбилейного года*. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 50 с.
- Кривулин, В. Б. (1990) *Обращение*. Л.: Советский писатель, 68 с.

- Круглов, С. Г. (2010) *Народные песни*. М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 116 с.
- Кучерявкин, В. И. (1994) *Танец мертвый ноги*. СПб.: Митин журнал, 48 с.
- Мартынова, О. (2009) *О Введенском. О Чирке и Чирке. Исследования в стихах*. М.: Центр современной литературы, 76 с.
- Миронов, А. Н. (1993) *Метафизические радости*. СПб.: Призма, 80 с.
- Мориц, Ю. П. (2000) *Таким образом. Стихотворения*. СПб.: Диамант: Золотой век, 248 с.
- Павлова, В. А. (2008) *Мудрая дура*. М.: Аванта+, 160 с.
- Паташинский, Д. (2008) *Случайная почта*. М.: Водолей Publishers, 456 с.
- Петрова, А. (2000) *Вид на жительство*. М.: Новое литературное обозрение, 129 с.
- Сапгир, Г. (2023) *Собрание сочинений: Голоса*. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 768 с.
- Соснора, В. А. (2018) *Стихотворения*. СПб.; М.: Союз писателей Санкт-Петербурга; РИПОЛ Классик: Пальмира, 910 с.
- Степанова, М. М. (2001) *Песни северных южан*. М.; Тверь: АРГО-РИСК; Kolonna, 56 с.
- Степанова, М. М. (2017) *Против лирики*. М.: Аст, 448 с.
- Строчков, В. Я. (1994) *Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов*. М.: ДИАС, 414 с.
- Строчков, В. Я. (2006) *Наречия и обстоятельства*. М.: Новое литературное обозрение, 494 с.
- Хвостенко, А., Волохонский, А. (2004) *Берлога пчел*. Тверь: Kolonna Publications, 112 с.
- Шельвах, А. (1992) *Черновик отваги*. СПб.: Призма-15, 64 с.
- Юрьев, О. А. (2016) *Стихи и хоры последнего времени (2004–2015)*. М.: Новое литературное обозрение, 244 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов, В. В. (1982) Церковнославянизмы в языке Пушкина. В кн.: *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* М.: Высшая школа, 529 с.
- Винокур, Г. О. (1991) Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина. В кн.: *О языке художественной литературы*. М.: Высшая школа, с. 228–236.
- Винокур, Г. О. (1959) О славянизмах в современном русском языке. В кн.: *Избранные работы по русскому языку*. М.: Высшая школа, с. 443–459.
- Гиляров-Платонов, Н. П. (1904) *Экскурсии в русскую грамматику*. М.: Победоносцев, 63 с.
- Граудина, Л. К. (1963) *К истории неполногласных вариантов в русской поэзии второй половины XIX века. Автoreферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М.: Академия наук СССР, 28 с.
- Данилова, Н. Ю. (1999) *Лексические и грамматические архаизмы как элемент поэтического стиля Бэллы Ахмадулиной*. Петрозаводск. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newreferat.com/ref-6018-19.html> (дата обращения 26.12.2024).
- Кандаурова, Т. Н. (1994) О функциях маркированных славянизмов в поэтических текстах конца XX века. В кн.: *Семантика языковых единиц. Памяти А. Ф. Посева. Доклады на 4-й Международной конференции*. М.: Альфа, с. 89–94.
- Бурнашев, В. П. (1875) *Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода*. СПб.: Изд-во В. Тушнова, с. 31–32.
- Киынова, Ж. К. (2014) *Славянизмы как историко-культурный феномен: синхрония vs. диахрония*. М.: Изд-во Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, 300 с.
- Ковалевская, Е. Г. (2012) *Избранное. 1963–1999*. СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 687 с.
- Копорская, Е. С. (1988) *Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени*. М.: Наука, 233 с.
- Мансветова, Е. Н. (1980) *К вопросу о семантической дифференциации славянизмов и русизмов на материале поэзии средних жанров второй половины XVIII в.* Уфа: [б. и.], с. 20–29.
- Мельниченко, Г. Г. (1944) Стилистические функции полногласных и неполногласных форм в языке Пушкина. *Ученые записки Ярославского педагогического института*, № 4, с. 141–197.
- Пыляев, М. И. (1887) *Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы*. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 471 с. ,
- Татищев, В. Н. (1990) *Записки. Письма 1717–1750 гг.* М.: Наука, 440 с.

SOURCES

- Agylbekov, Ts. (1999) *Astenicheskij stikhoz* [Asthenic Verse]. Saint Petersburg: [s. n.]. 37 p. (In Russian)
- Akhmadulina, B. A. (2012) *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow: Al'fa-kniga Publ., 856 p. (In Russian)
- Bulatovskij, I. V. (2012) *Chitaya temnotu* [Reading the darkness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 192 p. (In Russian)
- Bulatovskij, I. V. (2019) *Severnaya khod'ba: Tri knigi*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 248 p. (In Russian)
- Eremin, M. (2021) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 464 p. (In Russian)
- Golynko, D. (2024) *Stikhi XX veka* [Poems of the 20th century]. Moscow: Pal'mira Publ., 214 p. (In Russian)
- Ikonnikov-Galitskij, A. (1998) *Favor* [Favour]. Saint Petersburg: Akropol', 56 p. (In Russian)
- Kal'pidi, V. O. (2015) *Izbrannoe* [Selected Works]. Chelyabinsk: Marinya Volkova's Publ., 400 p. (In Russian)
- Karpets, V. I. (2001) *Karpograf* [Karpograph]. Krasnogorsk: Bronzovyj vek Publ., 97 p. (In Russian)
- Khvostenko, A., Volokhonskij, A. (2004) *Berloga pchel* [The bees' den]. Tver: Kolonna Publ., 112 p. (In Russian)
- Kibirov, T. (1994) *Santimenti* [Santiments]. Eight books. Belgorod: Risk Publ., 384 p. (In Russian)
- Krestinskij, A. A. (1993) *Tikhij roker* [Quiet Rocker]. Saint Petersburg: [s. n.], 88 p. (In Russian)
- Krivulin, V. B. (1990) *Obrashchenie* [Appeal]. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., 68 p. (In Russian)
- Krivulin, V. B. (2021) *Stikhi yubilejnogo goda* [Poems of the Jubilee Year]. Moscow: United Humanitarian Publ., 50 p. (In Russian)
- Kruglov, S. G. (2010) *Narodnye pesni* [Folk Songs]. Moscow: Russian Gulliver Publ.; Tsentr sovremennoj literature Publ., 116 p. (In Russian)
- Kucheryavkin, V. I. (1994) *Tanets mertvoj nogi* [Dance of the dead leg]. Saint Petersburg: Mitin zhurnal Publ., 48 p. (In Russian)
- Martynova, O. (2009) *O Vvedenskom. O Chvirike i Chvirke. Issledovaniya v stikhakh* [About Vvedensky. About Chvirik and Chvirk. Studies in verse]. Moscow: Tsentr sovremennoj literature Publ., 76 p. (In Russian)
- Mironov, A. N. (1993) *Metafizicheskie radosti*. Saint Petersburg: Prizma Publ., 80 p. (In Russian)
- Morits, Yu. P. (2000) *Takim obrazom. Stikhotvoreniya* [Thus. Poems]. Saint Petersburg: Diamant: Zolotoj vek Publ., 248 p. (In Russian)
- Patashinskij, D. (2008) *Sluchajnaya pochta* [Random Mail]. Moscow: Vodolej Publ., 456 p. (In Russian)
- Pavlova, V. A. (2008) *Mudraya dura* [The Wise Fool]. Moscow: Avanta+ Publ., 160 p. (In Russian)
- Petrova, A. (2000) *Vid na zhitel'stvo*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 129 p. (In Russian)
- Sapgin, G. (2023) *Sobranie sochinenij: Golosa. T. 1* [Collected Works: Voices. Vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 768 p. (In Russian)
- Shel'vakh, A. (1992) *Chernovik otvagi* [Draft of courage]. Saint Petersburg: Prizma-15 Publ., 64 p. (In Russian)
- Sosnora, V. A. (2018) *Stikhotvoreniya*. Saint Petersburg; Moscow: Soyuz pisatelej Sankt-Peterburga Publ.; RIPOL Klassik: Pal'mira Publ., 910 p. (In Russian)
- Stepanova, M. M. (2001) *Pesni severnykh yuzhan* [Songs of the Northern Southerners]. Moscow; Tver: ARGO-RISK Publ.; Kolonna Publ., 56 p. (In Russian)
- Stepanova, M. M. (2017) *Protiv liriki* [Against lyrics]. Moscow: Ast Publ., 448 p. (In Russian)
- Strochkov, V. Ya. (1994) *Glagoly nesovershennogo vremeni. Izbrannye stikhotvoreniya 1981–1992 godov* [Verbs of the imperfect tense. Selected poems of 1981-1992]. Moscow: DIAS Publ., 414 p. (In Russian)
- Strochkov, V. Ya. (2006) *Narechiya i obstoyatel'stva* [Adverbs and circumstances]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 494 p. (In Russian)
- Yur'ev, O. A. (2016) *Stikhi i khory poslednego vremeni (2004–2015)* [Poems and choruses of recent times (2004–2015)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 244 p. (In Russian)

REFERENCES

- Burnashev, V. P. (1875) *Nashi chudodei. Letopis' chudachestv i ehkstsentrichnostej vsyakogo roda* [Our miracle-workers. Chronicle of oddities and eccentricities of all kinds]. Saint Petersburg: V. Tushnova's Publ., pp. 31–32. (In Russian)
- Danilova, N. Yu. (1999) *Leksicheskie i grammaticheskie arkhaizmy kak ehlement poeticheskogo stilya Behly Akhmadulinoj* [Lexical and grammatical archaisms as an element of Bella Akhmadulina's poetic style]. Petrozavodsk. [Online]. Available at: <http://www.newreferat.com/ref-6018-19.html> (accessed 26.12.2024) (In Russian)

- Gilyarov-Platonov, N. P. (1904) *Ehkskursii v russkuyu grammatiku* [Excursions into Russian grammar]. Moscow: Pobedonostsev Publ., 63 p. (In Russian)
- Graudina, L. K. (1963) *K istorii nepolnoglasnykh variantov v russkoj poezhii vtoroj poloviny XIX veka* [To the history of incomplete-vowel variants in Russian poetry of the second half of the 19th century]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 28 p. (In Russian)
- Kandaurova, T. N. (1994) O funktsiyakh markirovannykh slavyanizmov v poeticheskikh tekstakh kontsa XX veka [On the functions of labelled Slavicisms in poetic texts of the late twentieth century]. In: *Semantika yazykovykh edinit. Pamyati A. F. Loseva. Doklady na 4-j Mezhdunarodnoj konferentsii* [Semantics of linguistic units. In memory of A. F. Losev. Papers at the 4th International Conference]. Moscow: Al'fa Publ., pp. 89–94. (In Russian)
- Kiynova, Zh. K. (2014) *Slavyanizmy kak istoriko-kul'turnyj fenomen: sinkhroniya vs. diakhroniya* [Slavicisms as a Historical and Cultural Phenomenon: Synchrony vs. Diachrony]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Publ., 300 p. (In Russian)
- Koporskaya, E. S. (1988) *Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [Semantic history of Slavicisms in the Russian literary language of the new time]. Moscow: Nauka Publ., 233 p. (In Russian)
- Kovalevskaia, E. G. (2012) *Izbrannoe. 1963–1999* [Selected Works, 1963–1999]. Saint Petersburg; Stavropol': Stavropol State University Publ., 687 p. (In Russian)
- Mansvetova, E. N. (1980) *K voprosu o semanticeskoy differentsiatsii slavyanizmov i rusizmov na materiale poezhii srednikh zhanrov vtoroj poloviny XVIII v.* [On the question of semantic differentiation of Slavicisms and Russisms on the material of poetry of medium genres of the second half of the XVIII century]. Ufa: [s. n.], pp. 20–29. (In Russian)
- Mel'nichenko, G. G. (1944) Stilisticheskie funktsii polnoglasnykh i nepolnoglasnykh form v yazyke Pushkina [Stylistic functions of full-vowel and incomplete-vowel forms in Pushkin's language]. *Uchenye zapiski Yaroslavskogo pedagogicheskogo instituta*, no. 4, pp. 141–197. (In Russian)
- Pylyaev, M. I. (1887) *Staryj Peterburg. Rasskazy iz byloj zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the former life of the capital]. Saint Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 471 p. (In Russian)
- Tatishchev, V. N. (1988) *Zapiski. Pis'ma 1717–1750gg* [Notes. Letters 1717–1750]. Moscow: Nauka Publ., 440 p. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1982) Tserkovnoslavonicizmy v yazyke Pushkina [Church Slavonicisms in Pushkin's language]. In: *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [ESSAYS on the history of the Russian literary language in the 17th-19th centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 529 p. (In Russian)
- Vinokur, G. O. (1959) O slavyanizmakh v sovremennom russkom yazyke [On Slavicisms in the modern Russian language]. In: *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., pp. 443–459. (In Russian)
- Vinokur, G. O. (1991) Nasledstvo XVIII veka v stikhovornom yazyke Pushkina [The inheritance of the XVIII century in Pushkin's poetic language]. In: *O yazyke khudozhestvennoj literatury* [On the Language of Fiction Literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., pp. 228–236. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЗУБОВА Людмила Владимировна — *Liudmila V. Zubova*

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

SPIN-код: 1193-0553, ORCID: 0000-0001-5616-8409, e-mail: l-zubova@yandex.ru

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Поступила в редакцию: 12 января 2025.

Прошла рецензирование: 3 февраля 2025.

Принята к печати: 11 марта 2025.